

СПОРНО, НО ИНТЕРЕСНО

(об очередном опусе проф. В.И. Пештиева)

Бабаев Бронислав Дмитриевич

Доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», член редколлегии журнала «Теоретическая экономика»,
г. Иваново, Российская Федерация.
E-mail: politeconom@rambler.ru

Предметом рецензии является издание: Пештиев В.И. Реформы, экономическая мысль и общество в России второй половины XX века: институциональные аспекты: монография / В.И. Пештиев. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. – 187 с. Автор этой работы, Владимир Ильич Пештиев, доктор экономических наук, профессор Ярославского госпедуниверситета стал подлинным писателем: куёт одну книгу за другой. Он является одним из наиболее образованных вузовских преподавателей экономики в Верхневолжском регионе, у него «легкое перо», склонность разнообразить проблематику, широкий взгляд на исследуемые вопросы, он в себе в известной мере соединяет экономиста, историка, социолога и даже отчасти философа. В начале 1990-х гг. он защищал докторскую диссертацию в диссертационном совете по экономическим наукам при Ивановском госуниверситете. Я тогда был председателем этого совета и, естественно, сопровождал диссертацию В.И. Пештиева. Он собрал свои наиболее значимые статьи, попытался соединить их в нечто целое и под широким заголовком, где было словосочетание «производственные отношения», представил как диссертацию. Естественно, возникли вопросы. Владимир Ильич сказал: «Если я сейчас не защищу диссертацию, то я ее не защищу никогда». Это возымело действие, я удвоил внимание, знакомясь с его трудом. В целом все прошло благополучно, нигде заминок не было, В.И. Пештиев «стал преподавателем второй степени» (это в порядке шутки, чтобы не было скучно). Но вместе с тем он серьезно ошибся, потому, что период расцвета его деятельности пал на последующую четверть века.

Пришлось задуматься над тем, каков жанр повествования. Рецензируемую книгу я определил как очерки, имеющие публицистический характер. Не знаю, насколько это понравится автору, но мое суждение таково.

Знакомство с текстом позволяет сделать вывод (на мой взгляд, бесспорный), что В.И. Пештиев – «чистый либерал». С одной стороны, это означает, что он с определенных позиций подходит к оценке событий и действующих личностей, с другой стороны, ныне либеральные идеи не в такой цене, как это было четверть века тому назад. Достаточно широко либералы являются предметом критики, и порой, достаточно ожесточенной. Либерализм В.И. Пештиева особенно сильно проявляется как при оценке «советской политэкономии», так и при характеристике исторических лиц – Хрущева, Горбачева, Ельцина, Гайдара. У меня вызвали изумление его характеристики Ельцина и Гайдара как «оклеветанных лиц». Ведь как-никак так называемая демократическая эйфория 1990-х годов канула в лету, люди пришли в себя, образумились, а отдаленность времени позволила дать оценки объективного характера с серьезным знаком минус.

Что же представляет книга по своему содержанию? В ключе публицистического взгляда рассмотрены реформы, проводимые, соответственно, при Хрущеве, Горбачеве, Ельцине. Одновременно автор делает попытки оценить состояние экономической мысли соответствующего периода. Здесь выясняется, что спорный характер носят не только оценки указанных лиц, но и предпринятые автором попытки охарактеризовать положение в экономической науке тех периодов. Об этом несколько позднее. Третья часть рассуждений касается исследования положения в обществе, вроде бы реакция общества на проводимые реформы и следствия, вытекающие из этих реформ.

Я позволю себе воспользоваться случаем, чтобы в порядке полемики с автором книги высказать и свои суждения по тем вопросам, которые вызывают или могут вызывать неоднозначные оценки в обществе. Изложение будет носить фрагментарный характер, но и сама рецензируемая работа в известной мере представляет собой собрание очерков. Автор оказывается верен своей старой диссертационной замашке собирать материалы (возможно, разных лет и периодов) под единой крышей. В то же время работа читается с интересом (отдадим должное В.И. Пефтиеву), действительно затронуты вопросы, бесспорно сохранившие свою актуальность и по сию пору. По-видимому, каждому из нас полезно заглянуть в недавнее прошлое для того, чтобы определиться в настоящем и бросить взор на будущее. С этой стороны можно воскликнуть: «Ай, да Пефтиев...». В данном случае я вспоминаю высказывание Пушкина о самом себе и своей жене: «Ай, да Пушкин! Ай, да сукин сын! Какую женку отхватил».

Теперь коснемся отдельных проблем, которые у меня вызвали интерес в сочетании с неприязнью. Сперва об оценке знаковых фигур в нашей истории.

В книге явно просматривается примитивизация личности Н.С. Хрущева. Подобраны такого рода высказывания о нем, имеющие явно уничижительный характер: «был недостаточно образован», «склонялся к волюнтаристическим действиям», «неуважительно относился к тем или иным лицам и даже слоям населения» и пр. Я позволю себе высказать суждение о Хрущеве, которое, по всей вероятности, вызовет отторжение. В отличие от Брежнева, Горбачева, Ельцина, Никита Сергеевич обладал стратегическим видением. Он был не просто природный вожак и экспансивная личность (с этим соглашаются все), но и стратегом, если речь идет о социально-экономической проблематике. В чем же это проявилось? Хрущев активно поддерживал атомный проект, охватывавший и ядерную проблематику и космос. По сути, аналогичный проект в какой-то степени со сходными решениями и задачами реализовывался в США, это Манхэттенский проект. Нобелевский лауреат, академик, член фракции КПРФ в Госдуме Ж.И. Алферов любит приводить этот пример, показывая, что наша страна и народ «не лыком шиты», ведь оба эти проекта не только для своих стран, но и для союзников СССР и США имели эпохальное значение, потому что происходит переворот не только в военной сфере, но и в сфере гражданской, эти проекты в сильной степени изменили и сами страны, и мир в целом. Но надо было обладать стратегическим видением для того, чтобы продолжать концентрировать усилия, привлекать лучшие силы для осуществления этого проекта. В этом смысле Хрущев с задачей справился на отлично, при нем был запущен первый искусственный спутник Земли и совершен первый в мире полет человека в космос. Атомный проект требовал значительных финансовых, материальных и трудовых затрат, а в стране было много проблем, но, тем не менее, ядерной проблематике и космосу уделялось первостепенное внимание.

Второй пример стратегического видения Н.С. Хрущева – это развертывание жилищного строительства. Автор позволяет себе непростительную иронию по поводу «хрущевок», но для своего времени это был настоящий прорыв (имеется в виду масштабное жилищное строительство), который в сильнейшей степени изменил быт значительной части советского народа. Одно дело – жить в коммунальной квартире, иметь стесненные жилищные условия, некоторая часть людей жила даже в землянках, но получение в свое распоряжение полноценной квартиры, пусть даже с низкими потолками и совмещенным санузлом, можно рассматривать как принципиальное изменение в жизненном укладе. Я сам в годы войны, работая в подсобном хозяйстве Саратовского строительного треста, несколько месяцев жил в землянке, также знаком с коммунальными квартирами, получение моей семьей «хрущевки» с четырьмя комнатами не просто принесло радость мне и моим близким, но и в заметной степени изменило наш быт. В.И. Пефтиев вполне мог бы воздержаться от иронизации по поводу «хрущевок», однако его неприятие Хрущева как личности, как политической фигуры настолько существенно, что он позволил себе переступить определенную этическую ступень, использовал даже нецензурное выражение. Для того, чтобы лучше понять прокламируемую мною

мысль, напомним, что в США в 1950-е гг. в макроэкономическом плане рассматривался вопрос, что должно стать мотором развития экономики, когда прочие источники развития в заметной степени оказались исчерпанными. Тогда выбор пал (это делает честь американскому руководству) на жилищное строительство. Само развитие жилищного цикла оказалось таким, что оно сформировало необходимые предпосылки для резкого увеличения вложения средств в жилье. Такая политика в США себя оправдала, но она вдвойне оправдала себя и в нашей стране. Дело не только в масштабах жилищного строительства (автор все-таки приводит соответствующую таблицу), но и в том, что было дано стратегическое направление в развитии экономики, в дальнейшем темпы ввода в строй домов существенно возросли, но импульс всему этому в рамках социально-экономической политики был дан Хрущевым и его советниками. Разве это не стратегический подход?

Невзирая на определенные просчеты, недостатки, упущения, как стратегический можно охарактеризовать взгляд Н.С. Хрущева на развитие сельского хозяйства. Я в то время работал председателем колхоза сперва в одном хозяйстве, потом в другом, поэтому как участник событий я могу многое сказать о волюнтаризме хрущевских времен, но я могу обратить внимание и на тот факт, что селу старались уделять все большее и большее внимание, оно было одним из приоритетов. Сегодняшнее состояние народонаселения планеты позволяет сделать бесспорный вывод, что продовольственная проблема – одна из наиболее насущных, ее можно поставить в один ряд с опасностями, связанными с террором.

Теперь коснемся авторских оценок Ельцина и Гайдара. Автор не без акцента говорит о том, что он и ныне является «почитателем Ельцина», подчеркивая при этом, что эта личность, равно как и Е. Гайдар, является «оклеветанной» (эта характеристика в книжке повторяется несколько раз). Для того, чтобы лучше понять, что Ельцин вместе с Гайдаром ввергли страну в пучину неизвестности, по сути не сулившей ничего хорошего и вызвавшей серьезнейший кризис в стране в 1990-е гг., приведу суждение В. Павлова, одно время возглавлявшего союзное правительство. Я ссылаюсь на его книгу «Упущенный шанс», где он рассказывает о том, что в советское время надо было произвести коренную реформу ценообразования, для того чтобы не породить тех проблем негативного плана, которые в полной мере обнаружались во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. В. Павлов рассказывает об альтернативной программе перехода от плановой экономики к рынку. Существо дела заключалось в том, что в стране фрагментировались рынки, по мере того, как рынки приобретали равновесный характер, предлагалось отпускать цены и проводить прочие рыночные начинания. Если же рынки неравновесны, то предлагалось цены не отпускать. С того времени, когда выдвигались эти идеи, прошло четверть века, мы имеем возможность взвешенно и без оглядки на какую-либо конъюнктуру охарактеризовать эту альтернативную реформу. Однако Ельцин поддался влиянию так называемых младореформаторов, дал команду отпустить цены и пустить госпредприятия в плавание по зыбучим волнам стихийного рынка. Это было похоже на какое-то безумство, которое, к сожалению, не понимают современные либералы (по-другому – демократы), к числу которых относит себя и автор рецензируемой книги. В конце 1991 г. я получил задание от одной газеты дать прогноз относительно того, что будет со страной в новых условиях. Этой статье я дал название «Пронеси, Господи!» К сожалению, Господь (я – истинный атеист) оказался безучастным к нашим земным делам, он спокойно взирал на тот бардак, который возник в стране, прежде всего благодаря «оклеветанным» Ельцину и Гайдару. Возможно, В.И. Пефтиев забыл, что Ельцин правил страной в пьяном угаре. Еще тогда, когда он не был президентом, и как Председатель Верховного совета открывал очередные заседания Съезда народных депутатов, он начинал свои выступления с какими-то речевыми отклонениями. В составе Ивановской депутации (я был тогда Народным депутатом Российской Федерации) был В.Н. Тихомиров, возглавлявший нашу область в течение многих лет. Он, поблескивая очками и всматриваясь в президиум, произносил каждый день одну и ту же фразу: «Ну, кажется, сегодня Борис Николаевич с большого бодуна». Это было прискорбно. Будучи навеселе, Борис Николаевич

проводил заседания и совещания. Вспоминаю характерный случай. В Кремле встречаюсь с Михаилом Ивановичем Лапшиным, главой аграрников, который только что покинул совещание, которое вел Ельцин. Спрашиваю: «Как смотрелся Борис Николаевич?» Лапшин с горечью отвечает: «Опять был нетрезв». По поводу пьянства Ельцина написано много. Уже само это ставит под сомнение его фигуру как политического деятеля. Но другой момент заключается в том, что не было разработанного плана перевода страны на рыночные рельсы. Это величайшая безответственность – не сделав соответствующего прогноза, бросить страну в экономическую стихию в расчете на то (это любил подчеркивать Гайдар), что рынок все расставит по своим местам.

Кстати, несколько слов о Гайдаре, это будет интересно. 22 января 1992 г. в Верховном Совете шло обсуждение Послания Президента, парламентские слушания. С докладом выступил Е. Гайдар. Председательствующий этот доклад оценил как «блестящий». Стали задавать вопросы. Я спросил о следующем: «Вы говорите о том, что колхозы и совхозы существенно выиграют в условиях отпущенных цен. Но всем хорошо известно, что цены на ресурсы, поставляемые сельскому хозяйству (горюче-смазочные материалы, удобрения, химикаты, кредиты и др.), растут быстрее, чем цены на сельхозпродукцию, возникает всем известный диспаритет цен как бич сельского хозяйства». По-видимому, Гайдар затруднился ответить на мой вопрос, просто равнодушно поглядел в мою сторону, в это время был задан другой вопрос и стихийный реформатор меня проигнорировал. Затем на заседаниях Верховного совета я еще пытался поставить подобные вопросы в расчете на то, что получу ответ, но вновь мои вопросы Гайдар проигнорировал. В то время я пребывал в таком состоянии, как же люди с таким пониманием экономики могут руководить страной? Кстати, после указанных парламентских слушаний Гайдара пригласили аграрники – Агафонов, Назаров, Лапшин, шло заседание аграрного комитета Верховного совета. Аграрники ставили многочисленные острые вопросы, Гайдар слушал, делал записи, все ожидали, что он выскажется по существу, однако этого не произошло, Гайдар просто заметил, что он не является аграрником. Тоже как-то странно.

Следующий вопрос в связи с книгой В.И. Педтияева – оценка «советской политэкономии». Как истый либерал, он же демократ, Владимир Ильич не следует поговорке «не плюй в колодец, пригодится воды напиться». Следует серия штампов: «тягостно читать», «оторвано от реальной действительности» и т.д. Любой процесс все-таки противоречив, включая развитие экономической теории. Научная добросовестность требует выявления не только черных, но и белых пятен. Автор же следует принципу «чем чернее прошлое, тем радужнее настоящее, рыночная эпоха». В то же время возникает достаточно сложный и ответственный вопрос: сделала ли советская политическая экономия вклад в развитие экономической теории вообще. В связи с этим я затрону несколько аспектов.

Еще в 1960-е гг. стали проводить различия между общеэкономическими вопросами в оценке производственных отношений и аспектами специфическими с различием – капитализм, социализм. Такое суждение носит принципиальный характер. Оно позволяет выявить общие черты и закономерности, присущие как одной, так и другой системе. На этом, между прочим, покоится теория конвергенции, истоки которой в нашей стране также находятся в 1960-х гг. В экономических процессах и явлениях выделяли некое общеэкономическое ядро, общеэкономические черты, формулируя процессы, присущие как капитализму, так и социализму. В то же время подход к рассмотрению производственных отношений как специфических позволял разграничить обе системы. Я думаю, что каждый думающий человек оценит значение рассматриваемого нами принципа. Его можно обнаружить в работах Черковца (старшего), Вад. Медведева и других.

Другая интересная линия, которая может рассматриваться как заслуга советских экономистов, – это понимание согласования, состыковки интересов как сути хозяйствования с политико-экономической стороны. Кстати, я во второй половине 1960-х–1970-е гг., разрабатывая тему хозяйственного расчета в колхозах, четко исходил из подобного рода установки. Тема согласования интересов получила дальнейшее развитие в современный период. В 1990-е гг. она не была в

почете, вместо понятия «интерес» использовались такие категории, как «ожидание», «цели» и пр. (разумеется, в различных аспектах). Оценивая реформы Ельцина-Гайдара-Чубайса, заметим, что эти реформы проводились без учета интересов населения и даже в ряде случаев интересов самого бизнеса (преобладал фискальный момент).

Западная экономическая теория, прежде всего экономикс как мэйнстрим, не выпячивает тему экономических законов, хотя их и не игнорирует. Мне представляется, что большая заслуга советских экономистов заключается в обозначении объективного характера экономических законов, а также в их характеристике. Многие работы были посвящены анализу отдельных законов, затем стали появляться работы, где в качестве предмета рассмотрения выступила уже система этих законов. В настоящее время внимание к теме экономических законов ослаблено, в рамках институционализма акцентируется внимание на субъективных факторах экономического роста. Наверное, следовало бы рассматривать как объективно действующие экономические законы, так и субъективные факторы, на них влияющие. Это соответствует диалектическому взгляду на вещи. В то же время в повестку дня, по моему убеждению, выдвигается тема синтеза политической экономии и институциональной экономики как влиятельных ветвей экономической теории. Политическая экономия дает возможность рассмотреть сам экономический закон во всех его ипостасях, а институциональная экономика, принимая эстафету, формулирует те необходимые институциональные условия, которые позволяют обеспечивать полный простор действию этих законов. У меня на этот счет есть целый ряд разработок, выполненных совместно с доцентом Д.Б. Бабаевым.

Уже в указанные 1960-е гг. возникла проблема «построения» хозяйственных систем. С одной стороны, как указывал К. Маркс в «Предисловии к «К критике политической экономии», товарное производство стихийно достраивает недостающие ему системы. В различных местах как Маркс, так и Энгельс, Ленин и другие марксисты, рассматривали развитие товарного хозяйства и его высшей формы – капитализма как стихийный процесс, идущий снизу, как творчество бизнесменов и прочих активно действующих лиц. Но по мере того, как крепло государство и возвышалась его роль в социально-экономическом развитии, фактор госрегулирования становится в возрастающей степени предметом исследования ученых. Однако, наряду с теорией стихийного товарного развития с учетом прежде всего опыта СССР рассматривались вопросы построения социалистической системы сверху. Кстати, к этим вопросам вновь обратились уже в 2000-е гг. некоторые исследователи (В.В. Радаев старший и др.). Эта тема соотношения стихийного и сознательного начал достаточно интересна, ее истоки, повторяю, – 1960-е годы. В то время очень активно опирались на работу И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (это – несмотря на развенчивание культа личности). Сталин особо упирал на объективную сторону экономических процессов, призывая к познанию и использованию экономических законов. Сами реформы и Горбачева, и Ельцина в сильной степени противоречили этому принципу.

Большой вклад советские политико-экономисты внесли в теорию планового ведения хозяйства. По существу народнохозяйственное планирование (в директивной или индикативной форме, преобладало требование директивности) – это величайшее открытие человечества, значимость которого можно поставить рядом с научно-технической революцией. Конечно, толстые Госплановские публикации, принимавшие форму методических указаний к составлению планов экономического и социального развития народного хозяйства, читать крайне скучно, но это серьезные издания, недаром многие специалисты (Бачурин и др.) говорят о необходимости жесткой постановки темы макроэкономического планирования. Кстати, Госдума приняла закон о стратегическом планировании, однако трудно сказать, в какой степени он реализуется. Есть разработанные стратегии социально-экономического развития РФ (вариантов было много), однако представляется, что эти толстые издания просто пылятся на полках чиновничьих кабинетов.

Говоря о вкладе советских экономистов, в том числе политико-экономистов, в становление и

развитие экономической науки вообще, экономической теории в особенности, можно развернуть много тем, однако ограничимся сказанным, ибо объем рецензии ограничен.

В то же время частично можно согласиться с Владимиром Ильичем в том, что многие издания советского периода читать тягостно. Мне лично всегда не без оснований казались скучными учебники политической экономии для вузов, один издан под руководством акад. Островитянова, другой – под руководством акад. Румянцева. Несколько веселее смотрится учебник, выполненный под руководством В.А. Медведева. Ценность учебников заключается в том, что они дают свод устоявшихся знаний, поскольку при разработке подобного рода изданий из всего многообразия суждений и мыслей приходится выбирать то, что получило признание научной общественности. Владимир Ильич напрасно проигнорировал эти учебники, они бы дали ему материал для суждений о состоянии экономической мысли. По существу с этими разделами своей книги, посвященными выявлению состояния экономической мысли, автор не слишком сильно справился, особенно это относится к хрущевскому периоду. Сами суждения нередко поверхностны и явно тенденциозны. Ведь это надо додуматься – поставить крест на советской политэкономии! Правда, вспомнил Ноткина и некоторых других лиц, но этого все-таки недостаточно для полноценного понимания вклада советской теоретической экономической мысли в мировую сокровищницу. Нам понятно, что Запад имеет весьма приблизительное представление о том, что такое российская, тем более, советская экономическая мысль. Труды наших исследователей явно недостаточно переводятся на иностранные языки, но это не означает, что полноценная теоретическая мысль в экономике отсутствует или едва теплится.

Что касается реформ, то они рассматриваются профессором В.И. Певтиевым как некое «броуновское движение перемен» (эта фраза взята из книги). По сути реформы рассмотрены как перечень мероприятий с учетом того, какой отклик они получили в общественном сознании. Хотелось бы видеть оценки реформ с точки зрения их востребованности и соответствия запросам населения. Одновременно неплохо бы выделить закономерности в этих процессах. Например, как соотносятся рыночные и нерыночные начала в экономике разных периодов.

Лет 20 тому назад я подготовил материал, где, опираясь на факты и цифры, а также на общую логику рассуждений, показано, что социализм имеет как нетоварную, так и товарную природу. Возможно, в современных условиях эта тема утратила актуальность, но вместе с тем все-таки остается тема роли нерыночных моментов в развитии современного капитализма, равно как и переходной экономики. Движение перемен действительно может быть стихийным, но и в стихии необходимо улавливать закономерности. Например, говоря о структуре общественного хозяйства, мы выдвигаем тему разноразмерности: крупные, средние, мелкие предприятия, а также сверхкрупные и мельчайшие. Какие здесь существуют тенденции? Впрочем, возможно, я ставлю дополнительные научные задачи перед автором (это может быть предметом его дальнейших изысканий), в то время как я оцениваю работу не как научный труд, а как серию публицистических очерков. Отдадим должное автору, который в отдельных случаях пытается сказать свое слово в смысле состояния и развития экономико-теоретической мысли. Но это эпизоды.

Все-таки в связи с реформами хочется поставить еще одну проблему – соотношение обобществления и обособления в производстве. В.Л. Иноземцев в одной из своих книг откровенно посмеялся над категорией обобществления, найдя эту мысль устаревшей, несвоевременной. Конечно, нельзя порицать людей за то, что они обладают чувством юмора, но следует порицать за то, что они не считаются с фактами реальной действительности. В связи с реформами целесообразно было бы (уже речь идет о научном труде) поставить вопрос о том, как меняется соотношение между этими двумя сторонами развивающегося производства.

Сильная сторона работы В.И. Певтиева заключается в том, что он рассматривает во взаимосвязи и экономику, и социум (общество). Это актуально, в конце концов производство (на это указывал еще

К. Маркс) нацелено на удовлетворение потребностей общества. Капиталист, гонясь за прибылью или ее призраком, одновременно реализует интересы общества, однако это происходит при соблюдении определенных требований, которые в экономикс излагаются в виде формально организованных теорем. В.И. Пефтиев – это один из тех исследователей, которые не замыкаются в экономических проблемах (он по образованию бухгалтер-экономист, о чем можно узнать в Интернете), а склонен к так называемому междисциплинарному подходу, это уже касается методологии изложения проблем. Но в любом случае предварительно, следуя высказыванию «Богу – богово, кесарю – кесарево», целесообразно четко разграничить, где объективное и как его распознать, то же самое в отношении субъективного; где обособление и каковы его черты, то же касается и обобществления; где рыночное и где нерыночное начало и т.д. Все-таки теория вопроса впереди.

Автор признает достижения советских исследователей в области конкретно-экономических наук, хотя эту тему и не разрабатывает. Известно, что советская экономико-математическая школа (Немчинов, Канторович, Аганбегян и др.) получила всемирное признание, упоминаются даже еще дореволюционные работы Слуцкого и Дмитриева. Но конкретно-экономическая мысль все-таки покоится на определенной теории. Трудно добиться успехов в области конкретно-экономических наук, не имея каких-то достижений по части теории. Это нонсенс. Но В.И. Пефтиев в таком ключе вопрос не ставит, впрочем, если бы ставились подобного рода вопросы, то он написал бы научный труд, который «нудно читать», вместо развеселой публицистики, где есть, где разгуляться на воле.

Иногда говорят: «Практика обгоняет теорию» (например, в настоящее время это имеет прямое отношение к кредиту и т.п.). Но если нет твердого теоретического фундамента, то на чем покоится конкретная экономическая форма или процесс? По-видимому, на здравом смысле или на сравнении с какими-либо сходными процессами, протекающими то ли в других сферах, то ли в других странах. У В.И. Пефтиева тема экономической мысли не всегда сопряжена с реформированием экономики. Если такого сопряжения в реальной жизни не было, то надлежит специально на этот счет оговориться.

В.И. Пефтиев в предисловии к книжке отмечает, что его обуяла гордыня (сама постановка темы), и он ожидает «камнепад» замечаний и возражений. Конечно, ясно то, что та постановка вопроса, которая имеет место в книге, для своего благополучного разрешения от родов требует усилий целого научного коллектива. Отсюда ясно, что неизбежна публицистическая форма изложения материала. Чтобы подход был более полным, необходимы не полторы сотни страниц, а тысяча. Все-таки поблагодарим Владимира Ильича за проделанную работу, и было бы неплохо, если бы эту работу прочитали не трое (автор, редактор, составитель рецензии), а гораздо большее количество лиц. Сейчас народ вообще стал читать (по сравнению с 1970–1980-ми гг.) гораздо меньше, ибо люди перегружены работой, имеют невысокие доходы, не в состоянии покупать книги и журналы, ставшие дорогими. В какой-то степени спасает Интернет.

Поблагодарим автора за проделанную работу. Пожелаем ему творческих успехов, а число монографий дотянуть хотя бы до 30 с гаком. Что такое гак – надо поразмыслить. На этом я ставлю точку.